УДК 801.73

Н. В. Максимова

Новосибирский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования
Красный пр., 2, Новосибирск, 630007, Россия

E-mail: maksimova1@mail.ru

ФЕНОМЕН СОТРУДНИЧЕСТВА: КОНВЕРГЕНТНОСТЬ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена проблемам диалога – взаимодействию с чужой точкой зрения в журналистском дискурсе, а также тому, какие типы стратегий актуальны для современных процессов становления конвергентного мышления журналиста.

Ключевые слова: стратегия, развитие, сотрудничество, конвергентный, диалог, свое – чужое, коммуникативная позиция.

Речь пойдет об отношениях, возникающих при взаимодействии с чужой точкой зрения, о том, какие типы отношений в диалоге своей и чужой позиций актуальны для журналистского дискурсивного мышления. Для анализа взяты тексты, представляющие собой образцы конвергентного мышления, разворачивающие отношения «свое – чужое» по типу развития – одной из наиболее актуальных стратегий. Такого рода образцы – редкость в современной, особенно массовой, культуре. Редки они и в журналистском дискурсе. Тексты, к которым мы в статье апеллируем, принадлежат Л. Костюкову [1] и А. Кураеву [2].

1. Отношения «свое – чужое» являются очень важными для языка и принадлежат к лингвокультурологическим универсалиям. Так, в семиотических исследованиях показано, что оппозиция «свое – чужое» является одной из древнейших, формируется и развивается во всех основных сферах человеческой деятельности [Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 289–291, 743, 746, 752–786; Лотман, 1992; Пятигорский, 1992; Степанов, 1997. С. 472–519].

Категория «свое – чужое», составляющая основу рассмотрения широкой области явлений, устанавливает референции самого различного типа – от сферы экономических, социальных, политических отношений [Русская философия…, 1993] до границ взаимодействия индивидов во всех сферах межличностных отношений (ср. психологическую проблематику, связанную с вопросами конфликтологии). Данная категория выступает в качестве понятийного средства при герменевтических, культурологических, типологических описаниях, а также при понимании в целом отношений «человек – текст» [Цейтлин, 1996].

Для журналистского дискурса оппозиция «свое – чужое» является одной из базовых в когнитивном и коммуникативном аспектах,

[1] *Костюков Л.* Журналистика мнений: Учеб. пособие. М.: Изд-во ИЖЛТ, 2004. 219 с.; *Костюков Л.* Невыносимая легкость стихописания. URL: http://poesis.ru/poeti-poezia/kostuk/frm_vers.htm.

[2] Речь идет, в частности, об интервью В. Писаревской с диаконом А. Кураевым по поводу романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в контексте его книги «“Мастер и Маргарита”: за Христа или против?» М., 2006. 176 с.

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 11: Журналистика
© Н. В. Максимова, 2012

составляя содержательное ядро целого ряда журналистских жанров (от интервью до полемической статьи, не говоря уже о разного рода дебатах, круглых столах и т. п.). Однако именно в этом типе дискурса она изучена мало. Оппозиция «свое – чужое» выступает одной из центральных в моделировании речевого поведения и реконструировании на основе «текстового следа» поведенческих способов общения с Другим. Из немногих попыток описания взаимодействия разных позиций с опорой на рассматриваемую категорию можно назвать статью «“Свое” – “чужое” в коммуникативном пространстве митинга» [Китайгородская, Розанова, 1995], исследование Ю. З. Кантор [2001] и некоторые другие работы.

2. Внутри отношений «свое – чужое» выделяются разные их типы. Например: «чужое как свое», «свое, полемизирующее с чужим», «свое, противопоставленное чужому», «свое как переструктурированное чужое», «присвоение чужого» [Фоменко, 2003. С. 113–125]. Напомним также известную типологию двуголосого слова [Бахтин, 1979] и попытку связать типы отношения к чужому слову с социокультурными эпохами [Волошинов, 1993].

В наших работах выделяется спектр стратегий, которые осуществляются коммуникантом по отношению к чужому слову, чужой позиции. Это такие стратегии, как толкование, отрицание, оценивание, применение, переоформление, переопределение, развитие, комментирование [Максимова, 2012]. При этом под коммуникативной стратегией понимается значимая для речевого поведения говорящего соотнесенность типа позиции в коммуникации и типа вербализации этой позиции (в тексте и метатексте). Выделенные коммуникативные стратегии, как модели диалогического взаимодействия, представляют фрагмент языковой картины мира говорящего, связанный с его ценностными приоритетами в выборе способов общения с Другим. Применение данного положения позволяет раскрывать не только коммуникативные доминанты и приоритеты речевого поведения какого-либо индивида, но и складывающиеся в том или ином социокультурном пространстве приоритеты общества, отраженные в массиве продуцируемых им текстов.

3. Система коммуникативных стратегий внутри себя ценностно ранжирована. Особое место в ней занимает стратегия развития, значимость которой обнаруживается при ретроспекции социокультурного контекста ее бытования. И прежде всего – это контекст диалога. Философское понимание диалога, представленное работами М. М. Бахтина, М. Бубера, Ю. М. Лотмана, В. С. Библера, Л. А. Гоготишвили, В. П. Тыщенко и др., связано с основополагающими смыслами «понимания» (возникновения новой информации, порождения нового понимания в самом предметном поле общения) и «взаимопонимания» (возникновения новой общности, достижения субъектами общения нового качества понимания друг друга). Две эти стороны диалога образуют его исходный момент и являются его сверхзадачей.

Выделяются различные этапы, составляющие генезис диалога. Так, в работах В. И. Тюпы представлены роевой, авторитарный, уединенный и конвергентный модусы сознания. Последнему, как наиболее развитому модусу сознания, соответствует и наиболее продуктивный тип диалога – «диалог согласия», понимаемый в духе М. М. Бахтина как «возможность сочетания голосов»: не слияние их в один голос, но образование «многоголосого хора, где индивидуальность голоса и индивидуальность его правды полностью сохраняются» [Тюпа, 1996]. В последующих работах автор развивает представления о модусах сознания и говорит о четырех дискурсивных формациях: хорового единогласия, монологического единогласия, диалогического разногласия, диалогического согласия [Тюпа, 2004].

Типы коммуникативных стратегий соотносятся с модусами сознания (типами ментальности) и базовыми дискурсивными формациями. Такое соотношение видится следующим образом (табл. 1).

Дадим некоторые комментарии к таблице, касающиеся иерархичности в возникающем распределении стратегий. *Стратегия применения*, интенционально одна из самых архаичных, как выразитель «Мы-ментальности», основывается на исходном принятии некого положения вещей и дальнейшем его транслировании. *Стратегия оценивания* также является одной из самых архаичных и безусловной для этого типа ментальности. Противопоставление «свои – чужие» сопровождается жесткой оценкой «хорошего, правильного, своего» и «плохого, неправильного, чужого». «Я» и «Дру-

Таблица 1

Модус сознания (тип ментальности)	Тип дискурсивной формации	Коммуникативные стратегии
Ролевой (Мы-ментальность)	**Хоровое единогласие**	**Применение**, **Оценивание**
Ролевой (Он-ментальность)	**Монологическое согласие**	Применение, Оценивание, **Переоформление**, **Комментирование**
Уединенный (Я-ментальность)	**Диалогическое разногласие**	Применение, Оценивание, Переоформление, Комментирование, **Отрицание**, **Переопределение**
Конвергентный (Ты-ментальность)	**Диалогическое согласие**	Применение, Оценивание, Переоформление, Комментирование, Отрицание, Переопределение, **Толкование**, **Развитие**

гой» слитны по отношению к некой всеобъемлющей системе ценностей, которая последовательно и безоговорочно применяется, оцениваясь еще не критически – как единственно правильная.

Стратегия комментирования обусловлена совершившимся шагом выделения «чужого» в отдельный, самостоятельный объект. Показателен опыт средневековых текстов, комментирующих религиозные источники. «Я» здесь предельно латентно, поскольку комментируется в высокой степени авторитетный источник. Неслучаен в эту же историческую эпоху расцвет *стратегии переоформления* (прием «плетения словес»): это попытка взаимодействовать с чужим «от формы», закономерная как первый в истории Слова опыт установления отношений с Другим.

Уединенное сознание наиболее узнаваемо в *стратегиях отрицания* и *переопределения*. В этих двух «революционных» стратегиях, утверждающих разногласие, противопоставленность точек зрения, доминирует «Я», отрицающее «чужое» и идеологизирующее «свое». Обе эти стратегии характерны для Нового и Новейшего времени, особенно для текстов XIX–XX вв. с их выраженной полемической проблематикой.

Установка на взаимодействие с чужой точкой зрения предполагает понимание, *толкование* чужого смысла. Понимание – необходимый этап субъектных отношений и диалога. Понятое, адекватно истолкованное – основа для соотнесения со своей позицией и для *развития* предметного содержания. Это и есть основа конвергенции.

Характеризуя определенный тип ментальности, стратегии являются маркерами того или иного типа дискурсивной формации, но не исчерпываются функционированием в его пределах, а усложняются и изменяются, становясь более зрелыми и специфичными для соответствующего этапа развития дискурсивности. Стратегия применения на этапе роевого сознания иная, чем она же на последующих этапах. То же относится и к другим стратегиям. С этой точки зрения конвергентное сознание – это прежде всего спектр, включающий все основные стратегии.

4. Названные выше тексты (книга Л. Костюкова и интервью А. Кураева) принадлежат к различным жанрам – и даже стилевым регистрам, однако оказываются сопоставимы с точки зрения конвергентной дискурсивности, реализованной в рамках стратегии развития.

Стратегию развития характеризуют такие признаки, как установка коммуниканта на гармонизирующий тип интерсубъектного

взаимодействия, субъект-субъектный тип отношений [3]; взаимодействие «чужого» и «своего» на основе принципов взаимодополняемости, содержательного взаимообогащения позиций, поиска общих оснований / точек пересечения, синтеза смысловых позиций. Это отражается в развернутости представления и «своего», и «чужого» тезисов; в тема-рематических и лексико-семантических особенностях «своего» антитезиса, соотносящегося с исходным («чужим») тезисом на основе логической / фактологической недостаточности; в лексико-семантической специфике выражения некатегоричности «своего»; в наличии синтезирующего высказывания и специфике его лексико-семантической и тема-рематической структур; в характере медиатора (*не только… но и…*), отражающем принцип взаимодополняемости и установку на «диалог согласия»; в соотнесенности с логической структурой «тезис (*T*) – антитезис (*A*) – синтез (*C*)».

Наиболее существенным признаком стратегии развития является устанавливающийся тип отношений между *T* и *A*: они находятся не в отношениях отрицания друг друга, а в отношениях такого сосуществования, которое позволяет формироваться синтезирующему компоненту, с обязательностью обусловливая его наличие в глубинной структуре. Такое отношение *T* и *A* строится на принципе «недостаточности», т. е. имеющегося у исходного чужого *T* недостающего условия для того, чтобы считать *T* правильным, правомерным (окончательным, универсальным). Чаще всего в качестве такого условия описываются факты, не принимая во внимание которые можно утверждать *T*, принимая же их, можно утверждать *A*. Разница в опыте – одно из оснований для взаимодополнительности *T* и *A*. Разница в понимании одного и того же положения – другой тип недостающего условия, собственно логического по типу. Логическая и фактологическая недостаточность могут представлять единство.

В микроструктуре стратегии развития композиционно инициальным может быть тезис-топик (топ), вводящий тему. Его логическая обусловленность связана с предстоящим «раздвоением» темы, формированием двух равноправных точек зрения, в итоге подлежащих вновь объединению в синтезирующее высказывание. Если заключительный синтезирующий тезис – это прежде всего рематический синтез, то топ – своего рода синтез тематический (предсинтез).

Тема-рематическая структура текстовой формы строится на основе двух важнейших принципов. Первый связан с расположением *T* и *A* на тема-рематических вертикалях, а именно с зеркальностью расположения групп субъекта (*S*) и предиката (*P*), попарно относящихся к чужому *T* и своему *A* (табл. 2).

Лексико-семантическая зеркальность поддерживается элементами переоформления, регулярно сопровождающими именно данный фрагмент отношений *T* и *A* в структуре текста.

Второй особенностью является характер расположения темы и ремы синтезирующего высказывания (*C*) по отношению к предшествующей тема-рематической структуре *T* и *A*. Здесь важно, что рема-*C* располагается на новой рематической вертикали, образуя рему-3, т. е. делается еще один смысловой шаг в структуре матрицы, причем шаг семантически объединяющего (обобщающего) по отношению к *T* и *A* характера; синтезирующая характеристика имеется и у тематизированной группы субъекта, эта характеристика проявляется в возвращении *S* на исходную тематическую вертикаль и в семантической обобщенности лексико-грамматических характеристик компонента *S*, содержательно объединяющего и предшествующие смыслы, сложившиеся на рематических вертикалях (в табл. 3 это отражено объединением ячеек).

Логико-смысловым медиатором стратегии развития является *Не только / но и* в диалогической функции, другой частотной макротекстовой связкой служит *И / и*, а также используются модификации обеих конструкций.

[3] С точки зрения типов позиций в диалоге и способов отношения к Другому ключевым является параметр, связанный с противопоставленностью субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Возникающая диалогически значимая оппозиция имеет философскую традицию ее рассмотрения в контексте проблем диалога. Это прежде всего оппозиция отношений «*Я – Ты*» / «*Я – Оно*», являющаяся сквозной, центральной для философских сочинений М. Бубера, оппозиция *объектного* и *диалогического* слова у М. М. Бахтина, диалектика субъект-объектных отношений Я – Другой – Ты в работе [Подорога, 1993. С. 18–25] и др.

Проиллюстрируем микроуровневую структуру развития примером из текста Л. Костюкова (числовые обозначения предикативных единиц мои. – *Н. М.*) (табл. 4).

Трудно ли писать стихи? (1) – *Чего уж трудного, – говорила Ахматова, – когда диктуют?* (2) – *Но, продолжая мысль Ахматовой, заметим: когда не диктуют, еще легче* (3). *Рецепт письма прост* (4): *садись и пиши* (4а) (Л. Костюков. Невыносимая легкость стихописания).

В этом примере структура развития представлена весьма концентрированно, хотя отношения между отдельными компонентами эксплицированы, как видим, минимально.

Таблица 2

	Тема	Рема-1	Рема-2
T (ч.)	*S*	*P*	
A		*P*	*S*

Таблица 3

	Тема	Рема-1	Рема-2	Рема-3
T (ч.)	*S*	*P*		
A		*P*	*S*	
C	*S*			*P*

Таблица 4

№	Логическая структура	Медиатор	Тема-0	Тема-1	Рема-1 / Тема-2	Рема-2 / Тема-3	Рема-3	Рема-4
1	Топ.			*S писать стихи*	*P трудно*			
2	*T* (ч.)		Вв. *говорила А.*	∅	Не-*P* *Чего уж трудного*	*D когда диктуют*		
3	*A*	Но заметим		∅		Не-*D* *когда не диктуют*	*P еще легче*	
4	*C*			*S Рецепт письма*			*P прост*	
4а	*C*							*P садись и пиши*

Если же обратиться к интервью А. Кураева, то микротекстовый уровень реализации стратегии развития может быть представлен следующим фрагментом (ответ на вопрос В. Писаревской «Ваши позиции с Бортко совсем не совместимы?»):

– *Отчего же? Булгаковский роман подобен «Наполеону» (тому, который торт): в нем есть масса других пластов – социальных, политических, автобиографических. Но их я не затрагиваю и разрабатываю тот слой, в котором я хоть немножко компетентен – религиоведческий. Бортко же интересует «советологический» срез романа. То есть в некотором смысле мы разрабатываем тематику этого романа в параллельных пластах. Общее наше убеждение – нельзя трусить и предавать. Есть вещи, которые нельзя делать играючи, есть предельная ответственность человека за свои слова и поступки и за свои не-слова и не-поступки. Для Бортко это в первую очередь ответственность перед людьми, перед страной, перед совестью. Для меня значима и тематика ответственности перед Богом за свою душу. К позиции Владимира Владимировича я добавляю один тезис: нельзя предавать не только людей, но и Бога. А подмена евангельского Христа воландовским артефактом (Иешуа) – это как раз такое предательство* (С. 145–146).

5. На макротекстовом уровне реализации стратегии развития наблюдаются те же процессы, однако имеющие уже жанровые характеристики и рамки, а также высокую степень спецификации в аспекте авторской дискурсивности. С этой точки зрения система коммуникативных стратегий в целом составляет коммуникативный способ концептуализации действительности, а индивидуально-авторский отбор и установление иерархии стратегических доминант раскрывают систему коммуникативных приоритетов говорящего.

Если обратиться к книге Л. Костюкова, то можно выделить стратегию развития в качестве доминантной – на основе двух признаков: 1) частотности реализации данной стратегии в текстовых фрагментах книги и 2) отмеченности ее наиболее значимых в концептуальном отношении и композиционно сильных позиций функционированием текстовых форм стратегии развития. Так, один из важнейших с точки зрения концепции книги раздел (второй) «Основы творческой деятельности журналиста» последовательно разворачивает антитезу творческой и алгоритмичной (*профессиональной*, в терминах автора) деятельности, однако не на основе их противопоставления-взаимоисключения, а на основе описания способов их взаимного обогащения, компромиссного сосуществования, дополнительности. Начиная с одного из компромиссов: «*журналист раздельно реализует свои профессиональные и творческие амбиции*» (С. 45), автор разворачивает синтезирующий компонент, показывая целый ряд других способов разрешения рассматриваемого противоречия:

- «он реализует их слитно, всеми возможными путями, в том числе и конфликтными, привнося творческий элемент в журналистику» (С. 45);
- выделяются типы ситуаций, в которых требуются «скорее творческие, чем профессиональные реакции» (С. 45);
- обнаруживается феномен «мгновенного творческого усилия», выводящего вовне – «нельзя описывать объект, находясь внутри него» (С. 52);
- описываются типы жанров, требующие синтеза спланированного (алгоритмичного) и свободного, импровизационного поведения журналиста (С. 63);
- фиксируется смена поведенческих позиций в журналистской профессии в сочетании «фриланс – штатная работа» (С. 71) и др.

Одна из главок (тем) этого раздела – «Базовое противоречие между профессиональной и творческой деятельностью» – представляет яркий вариант реализации коммуникативной стратегии развития, где явно осуществляется опора на модель «тезис – антитезис – синтез» как в самом текстовом содержании, так и в метатекстовом пространстве этой главки.

Важно, что отношения «метатекст – текст» усиливают друг друга, обогащая главное содержание. Приведем пример метатекстового фрагмента, проясняющего установки автора на конвергентность, сотрудничество. Л. Костюков, раскрывая специфику и типы жанра интервью, пишет: «*Уже вырисовывается та модель, которую я считаю предпочтительной. Это модель сотрудничества. Ее кредо: мой собеседник – заведомо бесконечно интересный человек. <…> Для меня подготовка к интервью носит внутренне противоречивый ха-*

рактер. Я готовлю, скажем, 7 вопросов, неплохих, уместных и любопытных. Но удача будет тем полнее, чем меньше этих заготовленных вопросов я успею задать. Они нужны не сами по себе, а для того, чтобы пробиться к собеседнику, выйти в режим живого диалога без заготовок» (С. 58, курсив автора).

6. Любая стратегия – это коммуникативная позиция и способ ее оформления, выраженный как в тексте, так и метатексте. При этом первый компонент (позиция) составляет глубинный уровень дискурсивности, а второй (способ оформления) – поверхностный уровень. Отношения между этими уровнями, а также между текстом и метатекстом могут быть достаточно напряженными. Так, если обратиться к текстам А. Кураева и рассматривать только поверхностный уровень дискурсивности, то может показаться, что в качестве частотной оформляется *стратегия отрицания*: в речи функционирует много представителей функционально-семантического поля негации (*не*, *нет*, *но* и подобных маркеров отрицания-противопоставления), а также лексико-семантических компонентов дизъюнктивного характера. И действительно, полемичность речи, риторическая заостренность в формулировании поднимаемых вопросов, определенность и жесткость выражения своей позиции в целом характерны для речевого поведения данного автора. Однако обращение к глубинному уровню и функционированию языковых средств в контексте значимой для речевого поведения говорящего соотнесенности позиции в коммуникации и способов ее выражения приводит к иным выводам. Одной из значимых является *стратегия развития*, которая проявляется прежде всего в открытой для диалога позиции сотрудничества. Вряд ли требует напоминания миссионерская, просветительская деятельность А. Кураева, разрешающая противостояние и размыкающая границы в оппозиции «церковь – мир». Книга, посвященная булгаковскому роману, тоже балансирование на границе «кино – литература – религия» – без утери своей позиции и одновременно с вниманием к позиции Другого, с попыткой с ней взаимодействовать (см. вопросы в начале книги, с. 5).

Если же обратиться к тексту интервью, то здесь необходимо говорить не только о частотности микротекстовых фрагментов стратегии развития и их соотнесенности с выражением концептуально важных для А. Кураева смыслов, но и о двух коммуникантах, создающих в интервью тот или иной тип дискурсивности, в данном случае – конвергентный. В. Писаревской принадлежат 4 вопроса, три из которых напрямую инициируют в дискурсе отношения своей и чужой точек зрения (Бортко – Кураев; книга Кураева – творческая группа фильма; радикальная позиция церковной среды – Кураев). Кроме вопросов о том, какова позиция собеседника по тому или иному вопросу по сравнению с другой точкой зрения, у интервьюера присутствует важный вопрос – на углубление понимания взаимодействующих позиций, причин самой возможности и необходимости диалога: *Почему Вы так хотели, чтобы режиссер и творческая группа познакомились с Вашей книгой*? В речевом поведении интервьюера также важно отметить отсутствие вопросов, провоцирующих оценочно-категоричную дискурсивность, дисгармонизацию общения. Все эти характеристики инициального высказывания создают условия для развертывания дискурса сотрудничества.

7. Методы квалификации стратегий дают возможность различать то, как говорящий заявляет свое намерение (номинально, в метатексте), и то, как он реально действует, – различать разную степень освоенности стратегии (от невладения до манипуляции). В современной социокультурной ситуации феномен сотрудничества, представленный стратегией развития, активно осваивается, но прежде всего на внешнериторическом уровне («от формы»). Показательны, например, массовая эксплуатация конструкции *Не только* / *но и* в рекламных текстах, а также активная метатекстовая вербализация интенций говорящих, обозначаемых как задача *поиска компромиссов*, *договоренностей*, *перехода от оппозиции к поиску точек пересечения*, *общих смыслов*, *поиска синтеза*, *конструктивного диалога* и т. п. Примечателен также намеренный уход от лексем с актуализацией дизъюнктивных смыслов, маркирующих социокультурное пространство 80-х – 90-х гг. XX в., и постепенное нарождение в качестве ключевых лексем с актуализацией конъюнктивных смыслов. Тем не менее выраженная в метатексте интенциональность, связанная с «желанием диалога», на уровне текстовых мо-

делей, которые отражают не намерения говорящего, а его реальные действия, оказывается неосвоенной, в связи с чем сохраняется противоречие метатекста и текста.

Если «набросить» сетку стратегий на реальную ситуацию современного журналистского дискурса, то можно увидеть, что ее наиболее продуктивной, частотной, освоенной моделью является *отрицание*. Приведем дополнительные факты. Студентам факультета журналистики, слушающим спецкурс по стратегиям диалога, было предложено задание: из журналистских текстов разных газет «сложить» один выпуск «своей» газеты, выполненный в рамках какой-либо одной стратегии (нарезка из заголовков и газетных текстов разных жанров могла дополняться своими текстами). Результатом стали яркие газетные развороты, представившие стратегию отрицания (!) сполна. Найти именно ее в текстах СМИ оказалось просто – в силу самой широкой представленности. При свободном выборе стратегии в задании «Осуществи в тексте стратегию» – в ответ на какой-либо (на свободный выбор студента) текст – наиболее частотной и умело выполненной также регулярно является стратегия отрицания.

Развитие и *отрицание* соотносятся как полярные – с точки зрения оппозиции диалога согласия и дискуссии. Предельными социокультурными проекциями этих стратегий являются соответствующие феномены: стратегия отрицания (в пределе установка на уничтожение чужой позиции) – феномен войны, конфликта, противостояния; стратегия развития (установка на взаимную недостаточность своего и чужого и их согласование – при сохранении их нетождественности) – феномен сотрудничества, конвергентного сознания.

В описаниях двух данных стратегий наблюдается следующая картина. Можно говорить о преимущественной освоенности металексем, передающих смысл КС-отрицание (ср. богатый синонимический ряд и в целом лексико-тематическую группу: *отрицать* / *отрицание*, *спорить* / *спор*, *вести дискуссию* (*дискутировать*), *опровергать*, *выдвигать альтернативу*, *критиковать*, *противопоставлять*, *выражать несогласие* и др.). В литературе по логике, риторике, теории аргументации дано несравнимо большее число описаний того, как опровергать чужую точку зрения, «отрицать», нежели метаописаний, относящихся к стратегии развития, сама номинация которой с трудом узнается и слабо подвергается процедуре синонимической замены. Имеющиеся попытки терминировать сам тип соответствующей коммуникативной позиции отражаются в пока мало стабильной, «рассеянной» структуре лексико-тематического поля, к которому можно отнести такие лексемы, как: *конвергентный*, *консенсус*, *компромисс*, *сотрудничество*, *синтезировать*, *диалог*, *согласие* и некоторые др. Несложившееся, неустоявшееся металингвистическое описание стратегии развития закономерно соотносится с общей тенденцией к становлению начальных шагов освоения этой стратегии в дискурсе современной массовой культуры.

Наличие этой тенденции подтверждается и при изучении процессов российской ментальности на основе фрейм-анализа повседневного сознания [Тюпа, 2003]. Полученные в данном исследовании результаты приводят автора к выводам о преимущественном выборе фреймов конвергентного сознания, составляющем устойчивую тенденцию современной российской ментальности. «Судя по выявленной симптоматике слабо выраженных, но весьма последовательных тенденций, намечающийся путь выхода из ментального кризиса, если бы он действительно реализовался, означал бы для российского общественного сознания следующее: неприемлемость “общинной” уравниловки и высокий уровень личного достоинства каждого гражданина; неприемлемость в качестве консолидирующего фактора национальной жизни тех или иных форм авторитарной диктатуры и предпочтение в этом качестве межличностной солидарности граждан; неприемлемость эгоистических линий поведения (отмежевание от окружающих или демонстративное самоутверждение) и в то же время позитивное отношение ко всему личностно и культурно самобытному, “значимому другому”; взаимотяготение субъектов социальной жизни (индивидуальных и коллективных) и готовность их к компромиссным решениям на пути к общественному согласию» [Там же. С. 313–314].

Таким образом, одной из важнейших характеристик социокультурной ситуации и формирующихся в ней ценностей является тип взаимодействия с Другим – то, как

строит общение говорящий, когда обращается к чужой точке зрения, чужой позиции. Доминирующие в текстовом массиве говорящих коммуникативные стратегии позволяют диагностировать характер социокультурного пространства. Приведенные в статье факты и выводы связаны с моделированием перспектив социокультурного пространства на основе прогнозирования развития складывающихся дискурсивных тенденций.

Список литературы

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского: Моногр. М.: Сов Россия, 1979. 318 с.

Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 191 с.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 1–2. 1328 с.

Кантор Ю. З. Диалогический текст интервью в коммуникативном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 27 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. «Свое» – «чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. 1995. № 1. С. 93–116.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.

Максимова Н. В. «Чужое слово» в общении: теория лингвистического моделирования. Саарбрюккен: LAMBERT (LAP), 2012. 351 с.

Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв.: Моногр. М.: Наука, 1993. 320 с.

Пятигорский А. «Другой» и «свое» как понятия литературной философии // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 3–9.

Русская философия собственности. Свое – Чужое – Божье. XVII–XX вв. / Под ред. К. Исупова, И. Савкина. СПб.: СП «Ганза», 1993. 512 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 1997. 992 с.

Тюпа В.И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики // Дискурс. 1996. № 1. С. 17–22.

Тюпа В. И. Фрейм-анализ и анализ символов // Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 300–314.

Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 66–87.

Фоменко И. В. Введение в практическую поэтику: Моногр. Тверь: Лилия Принт, 2003. 180 с.

Цейтлин Б. М. Кос(т)ность языка // Человек. 1996. № 1. С. 121–133.

Материал поступил в редколлегию 14.06.2012

N. V. Maksimova

**COOPERATION PHENOMENON:
CONVERGENCE IN JOURNALISTIC DISCOURSE**

The paper deals with the issue of dialogue, namely, interaction with different viewpoints in journalists' discourse and defines the types of strategies which are most characteristic of the modern processes of journalists' convergent thinking.

Keywords: strategy, development, cooperation, convergent, dialogue, «us – them», communicative position.